

Paulouskaya, Hanna

Изображение войны в творчестве Виктора Астафьева (на материале романа "Прокляты и убиты")

Новая русистика. 2022, vol. 15, iss. 1, pp. 55-66

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2022-1-4>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/145047>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Изображение войны в творчестве Виктора Астафьева (на материале романа «Прокляты и убиты»)

The Depiction of War in the Work of Victor Astafyev (Based on the Novel *The Cursed and the Slain*)

Ганна Паулоуская

(Брно, Чешская Республика)

Abstract:

The article is devoted to the study of the concept of war in Victor Astafyev's novel *The Cursed and the Slain* and to the revealing author's attitude to this phenomenon, expressed in repetitive images and ideas, discovering the specifics of the composition artistic world in the context of the writer's work. Various aspects of the depiction of war based on the material of the novel *The Cursed and the Slain* are analyzed. As a result, a conclusion was drawn about the features of Astafyev's late prose and the image of war in his novel.

Key words:

Viktor Astafyev; war; the literature of war; Great Patriotic War; novel *The Cursed and the Slain*

Введение

Виктор Петрович Астафьев вошел в историю русской литературы, прежде всего, как автор, создававший произведения так называемой «деревенской прозы», для которой характерно реалистичное описание сибирской деревенской жизни. Однако писатель также внес весомый вклад и в развитие военной прозы. В статье мы бы хотели остановиться на военной прозе В. П. Астафьева, она занимает важное место в творчестве автора.

Военная проза Виктора Астафьева продолжает традиции, заложенные Л. Н. Толстым и В. М. Гаршиным, также она близка «лейтенантской прозе» — военной прозе, созданной участниками Великой Отечественной войны, отличающейся высоким уровнем правдивости и автобиографизма. Астафьеву было принципиально показать войну глазами не генерала и даже не лейтенанта, а простого рядового солдата. В авторском видении войны значимое место занимают бытовые детали и особенности фронтовой жизни. Уже в ранний период творчества Астафьев включал в произведения на военную тему натуралистичные и жестокие описания боя («Звездопад», «Пастух и пастушка»), однако ему не была чужда и сентиментальность: писатель часто делал акцент на любовной истории, возникшей не в то время и не в том месте. Позднее творчество автора отличается пессимизмом, откровенностью, установкой на открытие всей правды о «своей» войне («Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат»). Это стремление было воплощено и в последнем романе Астафьева — «Прокляты и убиты», который считается самым значимым произведением позднего периода его творчества.

Наша цель — проанализировать различные аспекты изображения войны в романе «Прокляты и убиты», выявить авторское отношение к этому явлению, выраженное в повторяющихся образах и идеях, раскрыть специфику художественного мира произведения. «Прокляты и убиты» представляет интерес для литературоведов, работы, посвященные роману, создавали такие исследователи, как Н. Н. Архангельская, П. А. Гончаров, А. И. Разувалова и другие. Однако стоит заметить, что данному произведению уделяется меньше внимания, чем произведениям на «деревенскую» тематику, по нашему мнению, роман является недостаточно изученным. Научная новизна статьи заключается в выявлении особенностей изображения войны в произведении: исследуются описания военных действий и тыла, классифицируются виды насилия в романе, рассматриваются значимые повествовательные точки зрения.

Роман «Прокляты и убиты» в ряду произведений Астафьева о войне

Первая часть романа была опубликована в 1992 году в журнале «Новый мир», вторая — в 1994 году. Роман Астафьева разительно отличается от ранних повестей автора категоричностью оценок, натурализмом, публицистичностью. По мнению А. И. Разуваловой, произведение отличается тем, что «в романе травма не просто задает траекторию повествования», но становится предметом осмысления и изображения» [RAZUVALOVA 2013]. В романе сильны автобиографические мотивы (автор служил в пехотном полку вблизи Бердска, участвовал в форсировании Днепра, был связистом, как один из героев).

Смысл названия романа — «Прокляты и убиты» — проясняет рассказ одного из героев произведения, крестьянина Коли Рындина. Герой говорит, что бабушка-старообрядка Секлетинья часто повторяла стихирю, принесенную в Сибирь оконниками — людьми, которые молились природе: «писано было, что все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты» [ASTAFJEV 1997, 109]. Таким образом, любой человек, участвующий в войне, замешан в тяжком грехе и будет наказан. Эпиграфы к каждой из частей романа продолжают мысль, заложенную в названии. Эпиграф «Чертовой яме» взят из Послания к Галатам (5:15) — книги *Нового Завета*, написанной апостолом Павлом: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» [Poslanije k Galatam]. Действительно, в «Чертовой яме» нет кровавых боев с противником, преобладают сцены насилия советских командиров над солдатами, а также солдат над солдатами. Источник эпиграфа ко второй книге — *Евангелие от Матфея* 5:21–22: «Не убивай. Кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» [Jevangelije ot Matfeja]. Этот эпиграф обнаруживает целую этическую пропасть между христианскими ценностями и событиями, происходящими в «Плацдарме». Автор подчеркивает: грешно даже гневаться на ближнего, но при этом герои второго тома романа участвуют в настоящей бойне. Таким образом, человечество, ведущее братоубийственную войну, будет наказано: где-то смертью, а где-то и жестокой памятью, с которой ему жить до конца.

Удачен ли выбор формы?

Астафьев достаточно редко обращался к крупным эпическим жанрам — до «Прокляты и убиты» у него были написаны только роман «Тают снега» (1958), посвященный послевоенной жизни в уральской глубинке, и роман «Печальный детектив» (1986), в центре которого сложный жизненный путь экс-милиционера Леонида Сошнина. В. Астафьев предпочитал малые и средние

прозаические формы; в военной прозе писателя преобладали повести. Почему же Виктор Астафьев решил обратиться к жанру романа? Вероятно, в поздний период творчества автору хотелось в полной мере раскрыть темы, о которых он молчал долгие годы, высказать накопившиеся мысли, подробно изобразить не только военные действия, но и жизнь солдат, отношения между ними. Как пишет Н. Н. Архангельская в своей статье «Книга-память о войне Виктора Астафьева», «жанровые возможности романа позволяют писателю, совместив художественное повествование и публицистические рассуждения, не только воссоздать батальные эпизоды, но и попытаться постичь механизм действия государственной военной и — шире — управленческой машины, соотнести мощь этой машины с судьбой конкретного человека, определить его место и значение в происходящем» [ARCHANGEL'SKAJA 2000]. В статье «Роман В. П. Астафьева как текст-травма» А. И. Разувалова высказывает мнение, что автор выбирает эпическую романную форму, которая восходит к «Войне и миру» Толстого: «Изображение Астафьевым картин «мира» и «войны», наличие обширных авторских отступлений, значимость семантики «роя», поиск сверхсмысла убийственного противостояния сближают «Прокляты и убиты» с романом Л. Толстого» [RAZUVALOVA 2013]. Однако исследователь считает, что толстовская традиция повествования не была в силах передать весь травматический опыт, для этого Астафьеву необходимо было искать более оригинальные романские формы. Вместо того, чтобы проводить эксперименты с композицией, повествовательными стратегиями, автор словно проживает травму с помощью языка, включения в текст натуралистических описаний смерти. Роман отчасти выполняет терапевтическую функцию, автор облекает пережитое в слова, чтобы снять с себя психологический груз.

Исследователи романа называют его композицию коллажной, калейдоскопической и мозаичной. Мы считаем, что композицию «Прокляты и убиты» можно назвать свободной: это связано и с использованием различных композиционных приемов, и с особенностью связи книг между собой. Каждую из них можно воспринимать как отдельное произведение. Также нужно вспомнить, что задумка автора предполагала появление третьего тома, однако и без него роман в какой-то мере закончен. Концовка «Плацдарма» выглядит смазанной. Возникает чувство, что автор просто устал от своего романа и поэтому решил ограничиться лишь наброском: события в будущем времени перечисляются одно за другим, появляется ощущение недосказанности и схематичности. Виктора Астафьева нельзя назвать мастером эпопеи, панорамного изображения действительности. Несмотря на большой объем, роман отличается композиционной несбалансированностью: развитие действия часто прерывается развернутыми ретроспекциями, масштабными нравоучительными авторскими

отступлениями. Таким образом, автор не вполне удачно выбрал традиционную романную форму.

Одной из главных особенностей романа как жанра является синкретизм — сочетание в произведении разнородных элементов. Это вполне соответствовало целям Астафьева. Писатель активно использует эту черту романа, включая в его состав объемные размышления публицистического характера, тексты песен, которые помогают создавать атмосферу, и многое другое. Особую роль в романе играют авторские отступления, так как они неразрывно связаны с задумкой романа, важностью дидактической составляющей творчества. Автор постоянно присутствует в тексте, в том числе, он достаточно часто вторгается в нейтральное повествование или повествование с точки зрения того или иного героя. Отступления в романе носят философский, публицистический, поучительный характер. Некоторые из них наполнены глубоким лиризмом, например, отступление, посвященное хлебному полю. Автор открыто и бескомпромиссно высказывается о войне как грехе, о богоотступничестве и вере, о крестьянстве и русском характере, он критикует не только Октябрьскую революцию и советскую систему, но и любую власть, иерархию в целом.

Синкретизм проявляется и в стилистике. В романе «Прокляты и убиты» автор активно использует стилистически окрашенную лексику русского языка: от грубых ругательств до церковнославянизмов, включает в состав произведения тексты молитв, стихотворений, песен, пословицы и поговорки, устойчивые выражения, лозунги и цитаты из известных классических литературных произведений, тексты на русском, немецком, казахском языках. Виктора Астафьева достаточно сильно критиковали за то, что в романе он смешивал высокий и низкий стиль, не избегал употребления субстандартных элементов (диалектных слов, жаргона, просторечия, обценной лексики).

Крайне неоднородный стиль произведения привел к неоднозначным оценкам критиков. Так, В. Зеленков считает, что «„Прокляты и убиты“ – неудачный эксперимент, содержащий искажение правды о Великой Отечественной войне и в вопросе исторической достоверности, и в описании деталей» [ZELENKOV 1997, 71]. Среди критиков, дающих негативную оценку произведению, можно также выделить Ксению Мяло [MJALO 1995, 186]. Е. Ермолин высоко оценивает творчество Астафьева, называет роман портретом эпохи: «Это вовсе не военный роман в узком смысле, это портрет эпохи. Астафьев пишет не о войне как таковой, а о времени, пораженном злом, о человеке, искусившемся и наказанном за это Богом» [JERMOLIN 1999]. Валентин Курбатов называет «Прокляты и убиты» самой мучительной книгой в русской литературе и отмечает гуманистический, антивоенный пафос романа [KURBATOV 2009]. Павел Басинский посвятил Виктору Астафьеву цикл очерков «Контуженная муза». Критик описывает

позднюю прозу Астафьева как «бесконечную вражду множества голосов», отмечает отсутствие «художественного плана и расчета», неясность авторского замысла, однако не игнорирует и главное достоинство творчества автора — «способность дарить слезу» [BASINSKIJ 1993, BASINSKIJ 1998, BASINSKIJ 2002]. Таким образом, сложно отрицать, что публикация диологии стала заметным событием в русской литературе последнего десятилетия XX века. Однако неоднозначность оценки критиков связана с объективными причинами: несоответствием традиционной формы и экстраординарного содержания, недостаточной проработанностью композиции при обилии сюжетных линий, не всегда органичным сочетанием лексики различной стилистической окраски.

Описания военных действий в романе

Описание военных маневров «сверху» встречается в рамках авторского повествования или повествования с точки зрения командиров, однако, в целом, в романе доминирует изображение боя глазами его участников. В «*Чертовой яме*» повествуется о казарменной жизни в тылу, однако описания сражений есть в воспоминаниях уже побывавших на фронте младшего лейтенанта Щуся и сержанта Яшкина, в том числе, и не соответствующие официальному изображению войны эпизоды, например, расстрел советских солдат, попавших в окружение, своим командиром. Сцены боев в изобилии присутствуют во второй книге «*Плацдарм*»: начинается наступление советских войск и форсирование Днепра. В произведении отражены различные виды боев от лица их участников или непосредственных наблюдателей: воздушный бой, бомбардировка, обстрел, переправа, атака, отступление. Автор, цель которого — рассказать о своей войне, не избегает трагических эпизодов, которые часто скрывались: ошибочного огня по своим войскам, расстрела невинных, работы заградительных отрядов, попадания солдат в окружение.

Если говорить о характере военных действий, то в романе преобладают описания воздушных боев и бомбежек, то есть не контактного боя, а сражения на расстоянии (так как герои, с точек зрения которых передаются события, не являются пилотами, они становятся либо жертвами бомбежек, либо наблюдателями).

Поскольку сцены боя, в основном, отражены с точки зрения его участника, визуальные образы и сравнения используются, только когда у героя есть возможность хорошего обзора. К примеру, воздушные бои подвергаются сравнению с карнавалом («Ашот Васконян глядел в ночное небо, где вроде бы свершался праздничный карнавал — то его, небо, просекало и обшаривало голубыми, белесо рассыпающимися в выси прожекторами, простреливало

разноцветно мелькающими, на жемчуг похожими пузырьками пуль» [ASTAF'JEV 1997, 350]). Специфика военных действий обуславливает доминирование звуковых описаний. Звуковая картина включает самые разнообразные звуки: гул («послышался слитый, все нарастающий гул, будто не по небу, по булыжной мостовой накатывались, все убыстряя ход, грозно, чудовищно звучащие машины») [ASTAF'JEV 1997, 564], вой («завыли самолеты»), треск («что-то громко треснуло в земле или на земле»), стрельбу («застрочили пулеметы»), свист, рычание («свистя продырявленными крыльями, сипя и рыча плохо тянущими моторами»), крики боли и ужаса («и залилась, запела, завопила передовая сотнями голосов»), взрывы («коротко взвизгнув, взорвались две мины»). Отмечается и привыкание человека на войне к жизни в таких условиях, где гул и грохот становятся будничными звуками («шум и гул были так привычны, так соединились со слухом, что требовалось что-то включить в себе, чтобы заставить себя услышать их» [ASTAF'JEV 1997, 700]).

Значимое место в романе занимает описание переправы войск через Днепр, ей посвящена глава «Переправа», а также несколько сцен в других главах. Изображение переправы носит апокалиптический характер: «А пулеметы секли их и секли, поливали разноцветными смертельными струйками. Хватаясь, друг за друга, раненые и нетронутые пулями люди связками уходили под воду, река бугрилась, пузырясь, содрогалась от человеческих судорог, пенилась красными бурунами» [ASTAF'JEV 1997, 380]. На «своем» берегу работает заградительный отряд, «громadne, безглазые, клешнерукие люди», которые отправляют чудом выплывших людей обратно в воду, на верную гибель.

Атака намеренно изображена антигероически, автор явно вступает в полемику с официальной литературой: «без криков «ура», подстегивая себя и ближнего товарища лишь визгливой матерщиной», «не было никаких киношных, патриотических криков, никакого «ура», только хрип, только кашель, только вскрики тех, кого находила пуля или осколок» [ASTAF'JEV 1997, 720].

Особую роль в романе играют описания эмоций участника боя, подчеркивается бессознательность, некоторая абсурдность действий солдата, потеря связи с реальностью: «Щусь, кого-то хватал, тащил к острову, бросал на твердое, кого-то отталкивал, кого-то, берущего его в клещи руками, оглушал пистолетом и, себя уже не слыша, не помня, не понимая, вопил: „р-р-е-от, ре-о-от!“» [ASTAF'JEV 1997, 375]. В произведении в большом количестве встречаются детали физиологического плана, описания смерти и мертвых людей, рисуется символический образ войны как безголовой, безглазой твари, состоящей из желтой жижи: «безголовая, безглазая белым привидением ползла, вилась червь, не иначе, как из самой преисподней возникающая. Состояла она из сплошного

хвоста, из склизкой кожи, увязнув, валяясь в грязи, тварь хлопалась по вязкому месту, никак и никуда не могла уползти, маялась в злом бессилии».

Изображение тыла в «Прокляты и убиты»

Слово «тыл» имеет несколько значений, и в романе присутствует тыл как территория за боевой линией (на территории позади фронта, в Бердске, готовят солдат-новичков), как части, обслуживающие воюющую армию, (феномен «тыловики»), как вся страна в противоположность фронту (село Осипово, куда солдат направляют помочь с уборкой урожая).

Военный тыл с описаниями казарменного быта (Бердск) доминирует в первой книге «*Чертova яма*». Нечеловеческие условия жизни солдат в тылу шокируют не меньше, чем сцены боя. И в этом тоже особый подход Астафьева к изображению войны: нельзя показывать яркие картины боя, забывая про то, что солдаты страдают от паразитов, голодают и болеют. За такой взгляд на Великую Отечественную войну автора часто критиковали. Военный тыл по Астафьеву это — неприятные запахи, тюремная атмосфера, грязь, вши, болезни, деградация, насилие.

В романе «*Прокляты и убиты*» изображен и еще один вид тыла — тыл бюрократов, чиновников, надзорных войск. Эти люди не участвуют в боях, однако обладают властью, принимают решения, заведуют пропагандой. Для «тыловики» характерны безразличие, жажда комфорта и наживы, демагогия. К ним крайне негативно относятся фронтовики.

Описание деревни Осипово разительно контрастирует и с картинами казарменного полутюремного быта, и со сценами сражений и переправы. Это мир, пусть и хрупкий, пусть и с отпечатками войны, это спокойные сельские пейзажи, это простые добрые люди, любовь и новая жизнь. Отчаянным символом войны становится погибшее, необработанное поле, вид которого производит на солдат неизгладимое впечатление: «Осиповское хлебное поле, разоренное, убитое, — как оно похоже сейчас на смутной охваченную отчизну свою, захиревшую от революционных бурь, от преобразований, от братоубийства, от холостого разума самоуверенных вождей, так и не выростивших ни идейного, ни хлебного зерна, потому как на крови, на слезах ничего не растет» [ASTAF'JEV 1997, 233].

Однако несколько раз в романе повторяется мысль, что война, фронт — это не только смерть, но и жизнь. Ее высказывают персонажи, которым автор неоднократно доверял доносить свои мысли до читателя — Васконян и Щусь: «люди на войне не только работали, бились с врагом и умирали в боях, они тут жили собственной фронтовой жизнью, той жизнью, в которую их

погрузила судьба» [ASTAF'JEV 1997, 347], «Щусь давно уже усвоил закон жизни, последовательный и никем не отменяемый, — военный человек на войне не только воюет, выполняет, так сказать, свое назначение, он здесь живет» [ASTAF'JEV 1997, 481]. Таким образом, контраст мирного и военного незначительно ослабляется, т. к. и одно, и другое — это часть жизни.

Виды насилия на войне

Связь таких явлений, как насилие и война очевидна, так как боевые действия предполагают применение физической силы. Поэтому важное место в романе занимает проблема насилия: внутреннего (между людьми, воюющими на одной стороне) и внешнего (между солдатами и их противниками). Ко внутреннему насилию можно отнести отношения типа:

- «государство — народ». Проблема насилия в формате «государство — народ» затрагивается в контексте довоенных репрессий, а также приказа 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» 1942 года, который также называли «Ни шагу назад». Приказ предполагал формирование штрафных частей, наличие заградительных отрядов, а также соблюдение строгой дисциплины. По сути, этим приказом государство сделало легитимным расправу над своими же солдатами;
- «командир — солдат». В романе такие эпизоды встречаются достаточно часто, однако в большинстве своем они носят достаточно безобидный характер, но есть и чрезвычайные случаи (убийство «доходяги» Попцова, а также расстрел братьев Снегиревых);
- «солдат — командир». Из-за того, что в армии существует строгая субординация, эпизодов насилия солдат над командирами значительно меньше: эпизод избияния Зеленцовым капитана Дубельта, убийство начальника политотдела дивизии Мусенка комбатом Щусем (инсценировка аварии);
- «солдат — солдат». Насилие между солдатами возникает, так как окружающая обстановка к этому располагает. Постоянно чувствуется дефицит продуктов питания и отсутствует комфорт, люди неизбежно попадают в экстремальные ситуации. Насилие может быть умышленным (к примеру, чтобы занять чье-то место в казарме), и вынужденным (чтобы вернуть другого солдата в реальность во время переправы). Многие солдаты готовы охотнее воевать со своими, чем с противниками: «обнаружилось: тех, кто жаждал воевать не с фашистом-врагом, а со своими братьями по фронту, гораздо больше, чем на противоположном берегу боеспособных людей» [ASTAF'JEV 1997, 62]. Речь, безусловно, идет об участниках заградотрядов;

- «мужчины — женщины». На войне женщины, как среди мирного населения, так и среди медперсонала и военнослужащих, могли подвергаться сексуальной эксплуатации или изнасилованиям. В романе описывается сцена изнасилования санитарки Фаи: насилие совершает пожилой командир. Порой женщине легче найти постоянного партнера, «шефа», чтобы защититься от посягательств других («походно-полевые жены»).

Внешнее насилие — это отношения типа «советские солдаты — немцы», «немцы — советские солдаты». Это самый естественный и логичный вид насилия, который встречается на войне — бой, насилие над противником.

Война через призму образов героев: от бывшего заключенного до особиста

Повествование в романе ведется от третьего лица, но с разных точек зрения (связиста Шестакова, командира роты Щуся, уголовника Зеленцова-Шорохова, сержанта Яшкина, интеллигента Ашота Васконяна, медсестры Нельки Зыковой, немцев Янгеля, Лемке, Мезингера и многих других). Судьба некоторых героев прослеживается на протяжении двух книг. Автор рассказывает подробные предыстории таких персонажей, многие из которых воплощают конкретные типы советских людей: Шестаков — обычный солдат, человек из народа, Васконян — интеллигент, Рындин — крестьянин-старообрядец, Скорик — человек из еврейской семьи, репрессированной до войны, Феликс — художник. В романе отражено, как социальное неравенство солдат на войне постепенно сглаживается: к примеру, изнеженный интеллигент Васконян чувствует, что его место — рядом с товарищами. Астафьев показывает войну с точки зрения военнослужащих, занимающих различные места в армейской иерархии: перед читателями предстают не только рядовые солдаты, но и младшие офицеры (Яшкин, Щусь), старшие офицеры (Зарубин, Лахонин). Наиболее яркими фигурами в первой книге являются Ашот Васконян и Коля Рындин. Исследователь П. А. Гончаров в статье «Снятие покровов: специфика позиции автора в романе „Прокляты и убиты“» высказывает мнение, что и Васконян («в его сентенциях ощутим взгляд В. Астафьева на войну с высоты прожитых десятилетий. По сути, это персонифицированный опыт писателя» [GONČAROV 2001]), и Рындин (в этом образе «сконцентрировано религиозное начало романа, плоды, результаты этико-христианских размышлений писателя» [GONČAROV 2001]) — это функциональные фигуры, помогающие транслировать авторские мысли.

А. И. Разувалова проводит параллель между «деревенской» и военной прозой Астафьева, говоря о том, что их объединяет «идеологическая деколонизация»

[RAZUVALOVA 2013], то есть стремление восстановить память народа, искаженную режимом. Имеется в виду описание исторических событий с точки зрения угнетенных групп: если сначала Астафьев был голосом крестьянства, то в позднем творчестве от стал голосом красноармейца, простого солдата. Особый интерес представляет изображение войны глазами стигматизированных групп: бывших заключенных (Жердяков-Зеленцов-Шорохов), женщин (медработницы Фая и Нелли), немецких солдат (Гольбах, Куземпель, Лемке).

Заключение

Роман В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» является наиболее значимым произведением, созданным в поздний период творчества писателя. Чрезмерная откровенность, обсуждение неудобной темы, причем часто языком, близким к вульгарному, яркий антивоенный пафос — все это причины неоднозначной оценки романа критиками. Однако сложно отрицать, что публикация диалогии стала заметным событием в русской литературе последнего десятилетия XX века. По мнению критика В. Я. Курбатова автор привнес в современную военную прозу христианскую оценку Великой Отечественной войны: «Прозаик хотел судить мир Божьим судом, перед которым войне нет оправдания. Да и не хотел, а само сердце, генетика русская просила христианской оценки войны... Для человека, для страны победа может быть высокой, быть исторической гордостью на века, но как когда-то Лев Николаевич [Толстой], так и Астафьев уже не о человеке и не о стране говорил, а о человечестве» [KURBATOV 2009].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что роман Астафьева отличается синкретизмом, сочетанием контрастных стиливых элементов, физиологизмом и жестокостью описаний, обилием точек зрения и авторских отступлений, христианским пониманием войны (как греха и преступления против человечества). Это достаточно мрачное и пессимистичное, вполне характерное для позднего творчества Астафьева произведение, с помощью которого писатель поделился своим военным опытом, результатами духовных исканий, а также рефлексией над историей Советской страны.

Библиография:

- ARCHANGEL'SKAJA, N. N. (2000): *Kniga-pamjat' o vojne Viktora Astaf'jeva*. Vestnik TGU 19, 2000, № 3, с. 35–43. <<https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-pamyat-o-voynе-viktora-astafieva/viewer>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- ASTAF'JEV, V. P. (1997): *Sobranije sočinenij: V 15 t. T. 10. Prokljaty i ubity. Roman*. Krasnojarsk.
- BASINSKIJ, P. V. (1993, 1998, 2002): *Kontuženaja muza. Tri očerka o Viktorе Astaf'jeve*. <<https://lit.wikireading.ru/34929>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- GONČAROV, P. A. (2001): *Snjatije pokrovov: specifika pozicii avtora v romane V. Astaf'jeva «Prokljaty i ubity»*. Vestnik TGU 21, 2001, № 1, с. 58–63. <<https://cyberleninka.ru/article/n/snyatie-pokrovov-spetsifika-pozitsii-avtora-v-romane-v-astafieva-proklyaty-i-ubity/viewer>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- JERMOLIN, Je. A. (1999): *Mestoroždenije sovesti. Zametki o Viktorе Astaf'jeve*. Kontinent, 1999, № 10, с. 371. <<https://magazines.gorky.media/continent/1999/100/mestorozhdenie-sovesti-zametki-o-viktore-astafeve.html>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- KURBATOV, V. Ja. (2009): *Slovo pri vručeenii Literaturnoj premii Aleksandra Solženicyna V. P. Astaf'jevu*. <<https://www.rp-net.ru/book/premia/2009/kurbatov.php>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- MJALO, K. G. (1995): *Mertvyh prokljat'je*. Naš sovremennik, 1995, № 6, с. 186. *Novyj Zavet. Jevangelije ot Matfeja*. <<https://azbyka.ru/biblia/?Mt.5:21–5:22>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- Novyj Zavet. Poslanije k Galatam*. <[https://allbible.info/bible/sinodal/ga/5/#!prettyPhoto\[iframes\]/14](https://allbible.info/bible/sinodal/ga/5/#!prettyPhoto[iframes]/14)>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- RAZUVALOVA, A. I. (2013): *Roman V. P. Astaf'jeva kak tekst-travma*. Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V. P. Astaf'jeva 24, 2013, № 2, с. 195–199. <<https://cyberleninka.ru/article/n/roman-v-p-astafieva-proklyaty-i-ubity-kak-tekst-travma/viewer>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- ZELENKOV, V. (1997): *Komu vojna, a komu mat' rodna*. Naš sovremennik, 1997, № 9, с. 71.

About the author

Hanna Paulouskaya, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic, 487941@mail.muni.cz